

Недопонимание осталось в прошлом, сеанс публичной нежности завершился, а Клубочек едва не скончался от избытка чужой романтики. Очевидно, у одиноких псов в этой системе нет никаких прав.

Повесив трубку, Су Юй почувствовал небывалую бодрость. Он поманил пальцем Клубочка, по всему телу которого то и дело вспыхивали розовые искорки.

— Следи за акциями «Развлекательной компании Чжао». Как только кто-то начнет их сбрасывать, выкупай по дешевке. Моя цель — сосредоточить в своих руках как минимум двадцать девять процентов.

Сейчас Су Юй владел двадцатью двумя процентами акций. Чтобы стать мажоритарным акционером и получить абсолютную власть в компании, ему требовалось еще двадцать девять.

Двадцать два плюс двадцать девять равно пятьдесят один. Простая и эффективная арифметика.

Клубочек стряхнул с себя остатки розового морока, зафиксировал задачу и уточнил:

— А что, если выставленных на продажу акций не хватит до нужной цифры?

Хотя новость о каминг-ауте Су Юя нанесет по имиджу компании серьезный удар, не факт, что все бросятся избавляться от ценных бумаг. Сейчас Су Юй и Чжао Юань на двоих удерживали шестьдесят процентов акций. Остальные сорок были распылены между мелкими держателями.

По задумке Су Юя, ему нужно было выкупить почти три четверти оставшегося объема. Задача не из легких.

— Если не наберется по-хорошему, разве тот компромат, что я накопал, не придется как раз кстати? — Он усмехнулся и бросил на Клубочка презрительный взгляд. — Неужели ты сам не догадался? Совсем затупился в последнее время.

Клубочек чуть не расплакался. Он просто не был таким коварным и змеиным по натуре, как его Хозяин! Это же достоинство, разве нет?

Впрочем, в следующее мгновение добрый и невинный Клубочек решительно отбросил свои добродетели и вступил на путь интриг:

— Понял. Задание будет выполнено в лучшем виде!

— У тебя три дня. За этот срок ты должен добыть эти двадцать девять процентов, — он поднял три пальца, обозначая дедлайн. — И еще: пока не трогай долю Линь Яня. Оставим его в покое — я хочу, чтобы он посмотрел шоу из первого ряда.

Он вновь улыбнулся своей привычной, полной злого изящества улыбкой. Клубочек невольно содрогнулся и мысленно выразил Линь Яню трехсекундное соболезнование.

Будучи верным помощником Чжао Юаня, Линь Янь владел пятью процентами акций «Развлекательной компании Чжао». Цифра кажется скромной, но в масштабах такой корпорации это колоссальные деньги.

Стоило Хозяину и Системе закончить обсуждение стратегии, как на рабочем столе зазвонил телефон. Он взглянул на определитель номера и терпеливо дождался восьмого гудка, прежде чем снять трубку.

Звонил Чжао Юань. Эта медлительность наглядно демонстрировала, насколько сам Су Юй был мелочен и злопамятен.

Едва связь установилась, из динамика вырвался яростный рев:

— Чжао Цинсун! Что за чертовщина творится в сети?! Живо объясни мне всё!

Су Юй предусмотрительно держал трубку подальше от уха. Когда поток криков иссяк, он поднес ее ближе и лаконично ответил:

— Отец, это чистая правда. Твой сын действительно гей.

Договорив, он снова отвел руку.

На том конце провода воцарилась гробовая тишина — видимо, Чжао Юань никак не ожидал столь прямого признания. Но через несколько секунд шквал гнева обрушился с новой силой:

— Ах ты, неблагодарный щенок! Как ты мог... Ты хоть понимаешь, что это извращение?! Ты в могилу меня свести решил!

Су Юй питал к Чжао Юаню крайнюю антипатию и не собирался дальше выслушивать этот рык. Он сухо перебил:

— Как бы ты ни относился к ситуации и что бы ни планировал предпринять, подожди три дня. Через три дня я созову общее собрание акционеров и поставлю в этом деле точку.

Не давая Чжао Юаню возможности вставить хоть слово, он нажал на отбой.

В последующие дни, кто бы ни пытался выведать подробности, он сохранял ледяное спокойствие, полностью игнорируя внешние раздражители. Три дня пролетели незаметно в

вихре общественных скандалов и пересудов.

Согласно уставу «Развлекательной компании Чжао», право участия в собрании акционеров имели лишь те, чья доля превышала три процента. Принятие любых решений основывалось на суммарном количестве голосов: меньшинство подчинялось большинству.

Ради этого собрания в офисе наконец появился Чжао Юань, которого не видели в компании уже порядочное время. И пришел он не один.

«Хозяин, Чжао Юань притащил с собой Чжао Циньяня. Как думаете, что он задумал?» — Клубочек так и вертелся вокруг Су Юя, который, казалось, ничуть не беспокоился о предстоящей схватке. Живость Клубочка объяснялась просто: за эти три дня он блестяще справился с поручением. Методы местами были сомнительными, а процесс — жестким, но результат оправдал всё.

Теперь в руках Су Юя сосредоточился контрольный пакет — пятьдесят один процент акций. Он стал полноправным владельцем «Развлекательной компании Чжао» с правом абсолютного вето.

Услышав вопрос, он отложил ручку и, потирая переносицу, откинулся на спинку рабочего кресла, предусмотрительно застеленного мягким пушистым пледом. О том, почему он застелил дорогое кожаное сиденье таким пушистым пледом, лучше было не спрашивать — сплошные слезы.

— Скорее всего, надеется воспользоваться моментом, чтобы вышвырнуть меня из кресла президента, а заодно пропихнуть наверх своего драгоценного сыночка, — он облегченно выдохнул и добавил с безразличием: — Разве в оригинальном сюжете он поступил иначе?

Чтобы законно сделать преемником младшего сына от «истинной любви», Чжао Юань хладнокровно взирал на то, как тот вместе с Лу Манни смешивает старшего сына с грязью, доводя до позорной гибели.

Зачем беречь такого отца?

Юаньцю понимающе кивнул: «Прежний владелец тела был действительно жалок».

— У жалких людей всегда есть причины для их участи. Нужно быть совсем слепым, чтобы не заметить коварства отца и сводного брата. Но он пошел дальше — сам вложил компромат на себя им в руки. Это уже не слепота, а чистой воды глупость, — он холодно усмехнулся.

Он не просто злословил. Его собственный запредельный интеллект и интуиция не позволяли ему понять, как можно было так бездарно распорядиться своей жизнью.

Чжао Цинсун был геем.

Речь шла об оригинальном владельце тела, хотя к самому Су Юю это определение теперь подходило не меньше.

В исходном сюжете репутация Чжао Цинсуна рухнула в одночасье именно из-за разоблачения его ориентации. Он чувствовал странное дежавю: он снова шел по стопам сценария, но с совершенно иным настроем.

Клубочек тоже об этом подумал. Сдерживая смех, он запульсировал всем телом: Хозяин, похоже, питал особую страсть к эффективным каминг-аутам.

За десять минут до начала собрания он небрежной походкой вошел в просторный конференц-зал. Одиннадцать акционеров, включая Чжао Юаня, а также тот самый «посторонний элемент», уже заняли свои места.

В совокупности присутствующие владели семьюдесятью четырьмя процентами акций. С учетом прежних двадцати двух процентов Су Юя это давало девяносто шесть. Оставшиеся четыре процента были распределены между мелкими вкладчиками.

Игнорируя косые взгляды, он неспешно подошел к председательскому креслу и сел, мысленно охнув от резкой боли в одном крайне деликатном месте.

Медленно подстраивая позу, он в десятый раз проклял одного невыносимого человека.

Его осторожные движения окружающие истолковали по-своему — как неуверенность и мандраж. Сидящий подле отца Чжао Циньянь, старавшийся до этого момента не отсвечивать, подал голос:

— Брат, ты в порядке?

Он, наконец устроившись, окинул его насмешливым взглядом:

— Это еще кто? Если хочешь подольститься, выбери способ поумнее. Слово «брат» не стоит разбрасывать направо и налево. Иначе люди могут превратно понять и решить, что ты — какой-нибудь бастард моего отца.

Лица Чжао Юаня и Чжао Циньяня мгновенно потемнели. Остальные акционеры с интересом наблюдали за назревающим скандалом. Некоторые, впрочем, едва сдерживали гнев — те самые, чьи акции были недавно принудительно выкуплены.

Самым обидным было то, что, отобрав у них долю, их всё равно заставили явиться на это

собрание. Форменное издевательство.

Чжао Циньянь набрал воздуха, чтобы возразить, но встретил суровый взгляд отца и замолк, кипя от ярости.

— Собрание можно начинать, — властно произнес Чжао Юань.

Он проигнорировал его слова и указал на Чжао Циньяня:

— Этот господин тоже акционер? Раньше я его здесь не видел. Какова его доля?

— Брат, я действительно твой младший брат! Как ты можешь быть настолько жестоким?! — выкрикнул Чжао Циньянь. В тишине зала его голос прозвучал особенно жалко.

Он прищурился:

— Значит, ты и впрямь бастард, прижитый моим отцом вне брака?

Слово «бастард» само по себе было оскорбительным, но «бастард, зачатый в браке» — это уже клеймо греха прелюбодеяния. Чжао Циньянь покраснел от злости, не зная, что ответить, и в поисках защиты посмотрел на Чжао Юаня.

Тот сидел с каменным лицом, не глядя ни на старшего, ни на младшего сына.

— Начинайте заседание. Здесь нет лишних людей, — отрезал он.

Фраза «нет лишних людей» красноречиво обозначала его позицию.

Он хмыкнул, перенося презрительный взгляд с Чжао Циньяня на документы:

— Что ж, приступим. Вопрос, который мы должны обсудить сегодня...

Он внезапно замолчал и поднял глаза на Чжао Юаня:

— Отец, напомни, какую именно проблему мы сегодня обсуждаем?

Чжао Юань побагровел и прорычал:

— Чжао Цинсун! Это совет директоров, а не место для твоих капризов!

— Но я правда забыл. Если ты тоже не помнишь, может, просто отменим встречу? — он развел руками с видом невинного наглеца: «Да, я издеваюсь, и что ты мне сделаешь?»

Чжао Юань почувствовал, что сын ведет себя не так, как обычно. Но, вспомнив о скандале в сети, он решил, что тот просто впал в истерику и пытается спастись, прикидываясь дурачком.

Эта мысль немного успокоила его.

— Цинсун, — смягчил тон Чжао Юань, — раз уж что-то случилось, нужно иметь мужество встретить последствия лицом к лицу. Я всегда тебя этому учил, и сейчас ничего не изменилось.

Слова звучали благородно, но за ними скрывался холодный расчет, понятный лишь самому говорящему.

Он снова усмехнулся и раскрыл папку:

— Полагаю, все уже видели слухи обо мне в интернете? Официально заявляю: большая часть из них — вранье. Но в одном они не солгали.

Он медленно обвел взглядом присутствующих, чеканя каждое слово:

— Я гей. И это правда.

В конференц-зале повисла звенящая тишина. Никто не проронил ни звука, не задал ни одного вопроса.

— Вижу, вопросов нет, — он захлопнул папку и сцепил пальцы в замок на столе. — Тогда перейдем сразу к голосованию.

<http://bllate.org/book/17580/1714113>